

«ЛЕТОПИСЬ ДНЕЙ МОИХ»

Проф. Н. Н. САВВИНА

Воспоминания о СПб Политехническом Институте.

Профессор Н. Н. Саввин оставил после себя монументальный труд воспоминаний, в 90 страниц, о первых годах Института, посвященный

«Американским друзьям - Политехникам».

С разрешения покойного Николая Николаевича этот труд переработан для настоящего Сборника Б. П. Кадомцевым.

Эти воспоминания были написаны проф. Н. Н. Саввиным в 1948 г., — по его собственному заявлению, — «для моих американских друзей-политехников».

Конечно, эти Воспоминания интересны не только для американских политехников, но и для всей нашей обширной политехнической семьи, разбросанной по всему свету.

Размер Воспоминаний не позволяет нам перепечатать их полностью, а потому мы извлекаем из этой рукописи наиболее интересные страницы. Язык описания жизни и работы в нашем Институте, как в этом может убедиться сам читатель, очень своеобразный, живой и интимный, временами иронический и даже с большой долей сарказма, но всегда искренний, дающий реальную картину духовной жизни Института.

Эти Воспоминания можно было бы назвать «Историей СПб Политехнического Института в виде портретной галереи профессоров, преподавателей и студентов», характер которых выразительно обрисован смелыми мазками талантливого автора-живописца.

За истекшие пять лет скончались председатели наших Объединений: Нью Йоркского — Николай Николаевич Саввин и Парижского — Василий Борисович Ельяшевич.

Оба были горячими патриотами нашего Института и оба объединяли нас своей любовью к нему. С ними ушли в другой мир последние наши профессора первых годов Института, оставшиеся в этих двух центрах нашего Объединения.

Проф. Н. Н. Саввин получил высшее образование в СПб Технологическом Институте и начал свою научно-преподавательскую деятельность в нашем Институте сначала преподавателем, а затем профессором механической технологии металлов. Помимо профессорской деятельности Николай Николаевич был вовлечен в практическую работу крупных промышленных предприятий. Так он состоял директором Всеобщей Компании Электричества. Во время войны 1914—17 годов он принимал близкое участие в технической организации московского завода «Электросталь». В Центральном Военно-Промышленном Комитете он организовал механический отдел и заведывал им. После Февральской Революции он занимал пост тов. министра Торговли и Промышленности и принимал деятельное участие в Совете по Обороне Государства. После октябрьского переворота Николай Николаевич эмигрировал в Сербию, где занимался Профессорской деятельностью, а затем переехал в Прагу, где занял должность директора и главного инженера заводов Шкода. Новая война прервала эту работу Николая Николаевича и он после войны переехал в Америку, где и скончался в апреле 1954-го года.

По своему живому, динамическому характеру Николай Николаевич соединил качества талантливого профессора-лектора с выдающимися способностями технического организатора крупных промышленных предприятий. У всех близко знавших Николая Николаевича и прошедших под его руководством научную школу техники осталась о нем неизгладимая память, как о широко образованном, общительном и отзывчивом к нуждам студентов человеке, который до конца своих дней любил Россию и, в частности, дорогой ему наш Институт.

До самой смерти он возглавлял американское Объединение в Нью Йорке.

Начинает Николай Николаевич свои Воспоминания с истории основания нашего Института и отводит в этом вопросе руководящую роль графу Витте.

«Институт был детищем Сергея Юльевича Витте... Как практик и большой реалист, Витте, зная недостатки М-ва Народного Просвещения, хотел иметь в своем Министерстве высшие школы для нужд широко им покровительствуемой промышленности и торговли... По первоначальной мысли С. Ю. Витте новое высшее учебное заведение в СПб должно было заполнить недостаток России в молодых ученых силах с широким специально-экономическим образованием для служб в качестве торговых и консульских агентов, банковских и промышленных служащих, а также руководящих чиновников М-ва Финансов... Образцом для нового Экономического Института должны были служить известные германские камеральные факультеты, абсолютные которых выпускались со званием дипломированных инженеров и докторов торговли и хозяйства... Но первоначальная идея, повидимому, не встречала сочувствия в кругах Государственного Совета, да и советники Витте склонились вскоре к мысли соединить новый экономический Институт с техническими отделениями... Новому Политехническому Институту назначалась задача на технических его отделениях восполнить все то, что не хватало старым школам при непрерывно и быстро растущих новых потребностях русской индустрии, как торговое, морское и речное судостроение, как центральные электрические станции, электрификация, электрометаллургия, двигатели внутреннего сгорания, а в будущем автомобилизм и авиация».

Далее Николай Николаевич рассказывает, как строился Институт, как первоначальные сметы расходов были сильно превышены и пришлось их сокращать. Также закон о новом Политехникуме встретил возражения в министерстве Внутренних Дел, не хотевшем создания новых скопленений учащихся в столице. Чтобы удалить студентов от политической жизни города было решено устроить общежития, где студенты находились бы под особым надзором начальства. Министерство Внутренних Дел сейчас же предложило свои услуги в организации надзора и введения воен-

ных надзирающих чинов, как это было в привилегированных лицах. Но так как на все это профессура не могла согласиться, то придумана была особая должность «профессора заведующего студентами» вместо существовавших в других учебных заведениях «инспекторов». Благодаря этому между администрацией Института и студентами установились товарищески-дружественные отношения. Для принятия законопроекта об Институте и для ограждения его от будущих стеснений со стороны М. В. Д., Витте заручился назначением кн. Гагарина в качестве директора.

«В новом Институте был не на словах, а действительно на деле, заведен дух товарищески-дружеских отношений между учащими и учащимися... Первоначально Экономическое Отделение состояло всего из профессоров: Посникова, Гусакова, Иванюкова, Кареева, Дена и Дьяконова и нескольких доцентов, для которых были резервированы кафедры, которые они и получили, как только защитили магистерские диссертации. Доцентура была блестящая: А. А. Чупров — выдающийся ученый статистик, В. М. Гессен — государствовед, В. Б. Ельяшевич — специалист по гражданскому праву, М. И. Фридман — знаток финансового права, барон Б. Э. Нольде — не только теоретик, но и практик по международному праву, М. В. Бернацкий — специально изучивший заграничную теорию и практику денежного обращения, А. Э. Вормс — знаток общей теории права и выдающийся юридический эксперт. Позже в состав профессуры вошли такие известные ученые, как М. М. Ковалевский, Гамбаров, историк Петрушевский, экономисты П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, химик Зеленский (товароведение) и др. Отделение было организовано блестяще, многие абсолювенты Института экономисты впоследствии играли значительную роль на разных поприщах, как науки, так и практики...

Первым деканом Кораблестроительного Отделения, бессменным до смерти, был Константин Петрович Боклевский... Это был не только беззаветно предан-

ный своему Отделению руководитель и организатор, но и настоящий отец своих студентов, как его называли позже при встрече его ученики-кораблестроители. Он был выбран Витте и Ковалевским в качестве руководителя нового кораблестроительного отделения, как известный строитель кораблей и отличный судовой архитектор, про которого другой профессор кораблестроительного факультета и академик Алексей Николаевич Крылов, знаменитый теоретик судов и математик, говорил так: «Когда мне приходится выбирать между двумя проектами судна, из которых одно во всех своих главных размерах детально и тщательно рассчитано по всем правилам строительной судовой механики (напр. Бубновым), а другое нарисовано художником судовым архитектором от Бога, напр. Боклевским, то в результате обыкновенно выбранный мною лучше нарисованный, чем рассчитанный, проект оказывался лучшим, а судно отлично вело себя на воде и при проверке размеров оказывалось хорошим».

Другим профессором кораблестроения был И. Г. Бубнов. Секретарем был А. П. Фан-дер-Флит (теория корабля)... Кораблестроительный Отдел был моим Альма Матер: там я держал свои адъюнктские экзамены и в том же факультете защитил в мае 1909 г. свою диссертацию «О резании металлов». Математику преподавал проф. А. А. Адамов (двоюшко переломленный маленький человек), славившийся божественно-красивым выписыванием математических формул на доске, точным кратким формулированием и поразительной молчаливостью. Я никогда не слышал, чтобы Адамов сказал на факультете хоть одно слово. Проф. Фан-дер Флит утверждал, что Адамов самый способный и знающий из всех политехнических профессоров-математиков. Постоянным же посетителем заседаний корабл. факультета был проф. теоретической механики И. В. Мещерский. Он был только магистр и потому долгое время оставался экстраординарным профессором, только значительно позже он сделался ординарным и был безмерно строг к начинающим, особенно ин-

женерам-преподавателям, которые за малым исключением не очень были сильны в высших теориях. Студенты всегда потешались над его манерами преподавания и любимыми выражениями «необходимо и достаточно» или «тогда и только тогда»... Студенты, да и мы молодежь, его побаивались на адъюнктских экзаменах.

Профессором судовых двигателей был Г. Н. Пио-Ульский, он же помогал проф. А. А. Брандту, преподававшему термодинамику на всех отделениях. Он был опытным преподавателем и руководитель, его любили и в Петербурге и в Белграде, куда он эмигрировал в 1919 г. и умер во время второй войны... Преподавателем судовой технологии был начальник Ижорских заводов И. Н. Воскресенский — весьма почтенный человек, инженер-механик (флотский). Лукин читал вспомогательные судовые механизмы, инженер п. с. Н. А. Рынин преподавал начертательную геометрию (на всех технических отделениях) — он стремился получить академическое звание и сделаться у нас профессором, но ему как то в этом не везло.

Деканом **Металлургического Отделения** был назначен известный русский химик-аналитик профессор Петербургского Университета Н. А. Меншуткин, слышавший издавна в университетских и химических кругах, как «генерал Меншуткин»... Меншуткин подобрал себе отличный кадр ассистентов из университетской молодежи, которые имели к нему большой «решпект», как за его бесспорную ученость, так и за выдающиеся педагогические заслуги.

Другим известным ученым профессором был Н. С. Курнаков, горный инженер, всесветно известный специалист теоретической металлургии и металлографии. Н. А. Меншуткин и Н. С. Курнаков создали целую школу учеников, особенно Курнаков. Последний в обождении был очень мил как с ассистентами, так и с учениками-студентами и славился своею богомольностью. В его профессорском кабинете в химическом павильоне всегда горела лампадка перед образом Николы-Угодника, а ассистенты злословили, что его строгая

жена каждого 20-го числа (когда все чиновники получали жалованье) отбирала от него все, что он получал во многих учреждениях, оставляя ему на личные расходы только 25 рублей. Среди его ассистентов я вспоминаю Жемчужного, Жуковского и Пушина. Последний потом был профессором в Электротехническом Институте, а в эмиграции профессором в Загребском Университете. Мы вместе были там кураторами русских студентов (первым куратором был С. П. Тимошенко, до отъезда в Америку). В 1915—16 гг. его ассистентом был также политехник-металлург А. И. Глазунов, занимавший в эмиграции пост директора Пишибранской Горной Академии в Чили (там скончался).

Физическую химию на металлургическом отделении читал В. А. Кистяковский. Талантливый ученый, Кистяковский, периодически страдал тяжелым недугом. У него ассистентами были Ротинянец и Дрейер. У Н. А. Меншуткина ассистентами были, кроме его сына, еще Монастырский, Дембовский, Ротарский (ученик Тамана). Профессором геологии и минералогии был Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, европейски известный ученый, а старшим ассистентом при нем был Агафонов, магистр геологии, младшим же — Белянкин — ныне член СПб Академии Наук. Для чтения металлургии чугуна и стали и замещения этих центральных кафедр были приглашены уральские специалисты — горные инженеры практики: М. А. Павлов и В. Е. Грум-Гржимайло. Первый был очень книжный человек и плодovit, он издал обширный атлас конструкций доменных печей, а позже сталелитейных печей и сыграл большую роль в развитии уральской металлургии при большевиках... Вторым, Грум-Гржимайло, был живой и интересный человек, всегда с техническими идеями. Его коньком были нагревательные печи (от мартеновских до калильных), в которых он применял для газов гидравлическую теорию движения жидкостей; практический успех был поразительный в смысле планомерного, без бурь и вихрей движения горячих газов и очень равномерной температуры в печи. Я имел в Пильзене в своей

закалочной мастерской нагревательные и калильные печи, построенные по этому принципу и не мог ими нахвалиться. После падения кн. Гагарина и с ним проф. Станевича, он согласился принять должность заведующего студентами, говоря, что студенты ведь «дети» по сравнению с бунтовщиками-рабочими на Урале, где он долго был управляющим заводом. Но эти дети скоро довели его до белого каления и он не знал, как разделаться со своей трудной должностью... После октябрьского переворота Грум-Гржимайло остался в России и там умер после преследований и долгого сидения в тюрьме.

Весна интересной фигурой на металлургическом отделении был профессор общей металлургии А. А. Байков, талантливый человек. Он славился тем, что был большой wpłyвоха, всегда держался мнения более левого, чем его левый сосед, первый начал делать цветные микрофотографии, любил очень эффекты, а его коллеги, в общем к нему хорошо относившиеся, говорили, что если для начертания диаграммы-кривой какого либо сплава или процесса ему не хватает нескольких точек, то он поставит их ничтоже не сумняшеся от себя, без всякого эксперимента, лишь бы диаграмма была красива... В 1945 г. я узнал, что Байков был партийным коммунистом, с большим влиянием, конечно, академик и пр.

Горячую обработку металлов преподавал Н. С. Верещагин, служивший перед тем долго на Урале... Он славился быстротой и легкостью в одобрениях дипломных проектов по горячей обработке (в противоположность Гололобову) и все механики, желавшие поскорее окончить Институт, шли к нему...

Теперь перехожу к Электро-механическому отделению. Вначале предполагалось пригласить для руководства новым отделением главного конструктора Всеобщей компании электричества в Берлине — Доливо-Добровольского. Но этот проект не удался и пришлось руководство новым отделением и деканство передать проф. М. А. Шате-

лену. Он был преподавателем и профессором физики в Горном Институте, Электротехническом Институте и на Женских Медицинских курсах; он не был инженером и практически ни в каких электротехнических предприятиях не работал, не имел даже ученой степени и, кажется, не согрешил до последнего времени в сочинениях научных работ. Но он был прекрасный педагог, энергичный и очаровательный человек, хороший организатор и приятный товарищ младших преподавателей; генеральства никакого, а вкус к людям хороший... Он читал курс энциклопедии электричества для всех технических отделений и для электриков специальный курс электрических измерений. Шателен остался в России и занимал ту же должность в Политехникуме, оставаясь большим патриотом нашего Института.

Высшую теорию электричества читал В. Ф. Миткевич, которого называли русским Фарадеем; он был фактически ученым руководителем молодежи, всегда полон новыми идеями, которыми делился с радостью со своими учениками, бесконечно добрый и благожелательный, совершенно лишенный ученого честолюбия, снисходительный к чужим ошибкам и всегда готовый поддержать начинающего молодого исследователя. Это был в настоящем смысле слова идеалист-ученый.

В. В. Скобельцын был прекрасным организатором преподавания физики, распределения занятий между своими многочисленными ассистентами, устройством лаборатории, администратором в роли члена Правления Института, профессором заведующим студентами, директором и деканом электро-механического отделения. Первые годы существования Института Скобельцын и Шателен были главными пружинами административно-учебной и хозяйственной жизни Института. У Шателена были ассистентами А. И. Андреевский — самый ученый из всех ассистентов (недавно умер), С. Н. Усатый, заведывавший электрической станцией и позже — машинной лабораторией, с большими трениями ему удалось защитить диссертацию и сделаться профессором. Затем Люст,

Фридрих и позже, когда поспел первый выпуск, много способных молодых электриков, как Горев, Шулейкин, Воробьев и много других. У Скобельцына были ассистенты: Тудоровский, Шапошников, Щегляев, Миллер, Филиппов, а позже А. Ф. Иоффе, приехавший из Германии готовым ученым, с титулом доктора и блестящими рекомендациями. Он вскоре был выбран вторым профессором физики и получил широкую известность еще в мое время. Курс котлов читал проф. А. С. Ломшаков, инженер-технолог, служивший на Охтенских пороховых заводах механиком, а потом на Путиловских заводах, где ведал паровым хозяйством; он получил известность, как изобретатель бездымной топки, написал по тому времени новую книгу об «Испытании паровых котлов», и в 1903 г. получил в Политехническом Институте кафедру. По его указаниям котельная станция была оборудована различными типами котлов и разнообразными устройствами, для ознакомления студентов с новинками... Студенты топили котлы и учились пускать в ход и останавливать машины, посещали эти занятия весьма охотно, — это было их первое соприкосновение с технической практикой, в условиях «промышленной обстановки», как говорил Ломшаков. Руководил этими занятиями А. К. Зайцев.

Для курса термических машин пригласили из харьковского Технологического Института проф. М. И. Носача, которому было поручено устройство лаборатории. Это был болезненный, чахоточный и совсем неинтересный человек. Его ассистентами были: горный инж. А. А. Лебедев — интересный экспериментатор, склонный к изобретательству и имевший интересные идеи... Другим ассистентом был Р. Д. Варенов, наукой и научной работой в лаборатории интересовался мало и был типичным преподавателем старых времен. Ассистентами у Ломшакова были: М. А. Торубаев, А. М. Драгомиров и В. К. Кирпичев, — их уже нет в живых. Я сохранил самое нежное воспоминание о моем верном друге и земляке М. А. Торубаеве, этом скромном труженике, обра-

зованном и разносторонне интеллигентном. Он умер в Сосновке в 1921 г. от истощения. Возвращаясь к А. С. Ломшакову — надо отметить огромные заслуги за его заботы об устройстве эмигрантской молодежи в Чехии.

И. Г. Есьман вначале читал гидравлику и гидравлические двигатели, он устроил гидравлическую лабораторию-станцию (водонапорную башню), в 1909—10 г. получил кафедру гидравлических двигателей, приписанную к новому механическому отделению. Теорию гидравлики (инженерно-строительное отделение) получил проф. В. А. Бахметев, который был послан на 2—3 года в Америку от Института для подготовки к профессорскому званию; по возвращении он с блеском защитил диссертацию.

Детали машин преподавал Владимиров, проф. Горного Института... Не могу пройти молчанием также одного замечательного преподавателя, а именно Л. З. Ратновского, начальника технической конторы по подъемным механизмам Путиловского завода, который с самого основания Института преподавал «краны» и руководил практическими занятиями и позже — дипломными проектами. Жил он в доме Путиловского завода и два раза в неделю приезжал в Сосновку на целый день, просиживал над студенческими чертежами и проектами до глубокой ночи, закусывая домашними бутербродами. Такой работоспособности, четкости в нахождении ошибок, и выдержке (неутомимости) завидовали мы все.

Я забыл также упомянуть, что для руководства дипломными проектами центральных электрических станций был приглашен директор О-ва 86 г. известный специалист Э. Р. Ульман, а для электрификации заводов — Старицкий с Невского завода, для железных конструкций — Галеркин. В. П. Аршаулов — всеветно известный талантливый и опытный конструктор дизелей и паровых машин и специалист в термодинамических процессах — помогал А. А. Брандту.

Хотя по уставу и закону об Институте абсолюванты получали право производства строительных работ, но прак-

тическим работам по архитектуре и рисованию (позднее на строительном отделении было иначе) уделялось мало времени и внимания. Вспоминая преподавателей рисования и архитектуры: Дитриха, Янушкевича, Гофмана и Тавлинова. Я уже раньше говорил о преподавателе начертательной геометрии Рынине, у которого были помощники.

Спротивление материалов и общую теорию упругости преподавал на всех технических отделениях проф. С. И. Дружинин, инженер путей сообщения, долголетний сотрудник проф. Н. А. Белелюбского в испытательной лаборатории Путейского ведомства. Его лаборатория была очень толково оборудована новейшими испытательными машинами и приборами, курс был поставлен хорошо, и выбор задач и примеров для упражнений также хорош. Сам он был способный и умный человек, но без учености, и никакие печатные работы его мне не известны... У Дружинина были ассистенты: ничем не примечательный, кроме чванства и неудачи со своей диссертацией, Дубяга, и замечательный ученый С. П. Тимошенко.

Тимошенко в 1906 — 07 г. защитил в Киеве диссертацию (у В. Л. Кирпичева) и получил там кафедру; позже он переехал в Петербург и был профессором одновременно в Электротехническом и Политехническом институтах. Теперь он первый в свете специалист в вопросах теории упругости и вибраций.

После ухода Тимошенко в Лабораторию сопротивления материалов пришел из Котельной лаборатории А. М. Драгомиров (умер от тифа в 1918 г.), а также очень интересный инженер, ныне профессор и член Петербургской Академии Наук Н. Н. Давиденков.

Остается еще два слова сказать о преподавательском персонале первых пяти лет после основания Института — это о священниках. Первым преподавателем Богословия был известный проповедник и духовно независимый писатель отец Григорий Петров. Его приемником был отец протоиерей Троицкий... Слышал от Шателена, перед войной, что отец

Троицкий остался в Институте до последнего времени и был любим и уважаем всеми, как и в прежние времена. Перед первым общежитием была построена небольшая, но очень уютная и хорошо распisanная церковка.

Теперь постараюсь вспомнить все об открытии двух новых факультетов-отделений: инженерно-строительного и механического. На инженерно-строительном отделении преподавал проф. Биялецкий (мосты). Он был большой теоретик и ученый, публиковавший свои работы преимущественно за границей, но в то же время и с практическим пониманием, так как долго служил старшим инженером в Управлении Владикавказской ж. д., где ни один проект моста или ответственного сооружения не проходил без его проверки или расчета. Но он душил студентов теорией и все не мог закончить чтение своего курса, растянув его чуть ли не на три года; он требовал посещения своих лекций, ибо не признавал никаких сторонних пособий, а известно, как студенты неохотно ходили на лекции, да еще такого неопытного лектора, как Биялецкий, постоянно делавшего ошибки и исправления в своих уравнениях и выкладках... Студенты жаловались всюду где можно, грозили его бойкотировать, и декану Дружинину стоило много труда и хлопот улаживать все эти столкновения и недоразумения.

Проф. Перидерий был первым в России, который, изучив железо-бетонное дело, стал широко применять этот материал в мостах и конструкциях, был известным строителем, написал свой специальный курс и книгу и был завален мостовыми заказами. Проф. Кандиба — известный ученый строитель портов, опытный преподаватель — занимал большой чиновный пост в отделе Торгового Мореплавания. Для преподавания геодезии был приглашен проф. академии Генерального Штаба генерал Витковский, весьма ученый и остроумный человек и недурной пианист. Ему не очень нравился вольный дух Политехникума и он ушел, как только начались забастовки. Среди преподавателей ар-

хитектуры и рисования появились такие интересные художники, как Щуко, Фетисов и др.

Из инженерно-механической новой молодежи я не могу отметить ни одного интересного: Ассур, занимавшийся прикладной механикой и печатавший скучнейшие статьи по теории механизмов, с бесконечными не имевшими практического значения комбинациями кинематических пар; Бентковский был противоположностью — веселый и приятный, но бесплодный; Классен был подобен Варенову т. е. без надежд на развитие вкуса к учености. Бентковский был личным секретарем у декана Дружинина, а Классен — секретарем у декана Радцига. Мне тоже не очень посчастливилось с моими ассистентами: П. Н. Незнамов был серьезный и солидный человек, но был не из того теста, из которого делаются научные исследователи; инженер технолог Чермак был совсем неподходящий, но в то время на маленькое жалованье лаборанта-ассистента трудно было найти подходящего человека. Я все ждал, что найду хорошего ассистента в лице механика — студента Яновского, — не знаю, что с ним стало (прим. ред. — недавно умер в Америке). М. В. Кирпичев был скромный и начитанный, но как это обычно бывает с сыновьями больших людей, совсем бледнел рядом со своим отцом. М. В. Гололобов (давно умер в Петербурге) был характерный человек, опытный конструктор и фанатик паровозов... М. В. был человек тяжеловатый. Помню как П. Ф. Лесгафт, на курсах которого он преподавал математику и механику, говорил про него: «Как все это у него выходит тяжело, словно у молотобойца...»

Из разных лиц, кто имел касательство к преподаванию на механическом отделении, упомяну прежде всего старого И. А. Семенова, давно уже умершего в эмиграции. Он славились своей автоматической папирсной машиной, которую начал конструировать еще студентом Технологического Института. Конструктор он был Божьей милостью, а его вкус к станкам, инструментам и обработке металлов выделял его среди рядовых инженеров...

Из других преподавателей практиков, которых пригласили на Механическое Отделение, упомяну про двух, ничем особенно не замечательных: инж. техн. Гуковского, директора завода «Атлас», читавшего специальный курс по литейному делу и инж. техн. Грудзинского, директора технической конторы «Кертинг и Ко», приглашенного для чтения курса «вентиляция и отопление».

В заключение, еще забыл сказать несколько дополнительных слов о проф. И. И. Иванове, постоянном участнике заседаний Механического отделения. В личной жизни это был весьма скромный, незлобивый человек, выпешдый из народа, поддерживавший своих бедных родственников и имевший лютую страсть к новым грамофонным пластинкам и новым мембранам. Он был отличный специалист по теории чисел и весьма солидный ученый математик; лектор был скучнейший и преподавал с таким выражением на лице, что «дескать все мне надоело, и предмет и слушатели». Студенты ходили к нему по наряду.

Руководителей на упражнениях по математике было много, — главным образом из ассистентов лабораторий, но были и сторонние: Холодовский, Богомолов и младший Станкевич.

Декан, проф. А. А. Радциг, был больше теоретик, чем практик, и больше книжник, чем лабораторный экспериментатор; был очень культурный человек, и мы, преподаватели и все студенты механики, относились к нему хорошо и с огромным уважением. В двадцатых годах он был директором Института и тогда же умер.

Дополняя пропущенные в предыдущем описании и временно позабытые мною подробности о личном составе Института.

В числе преподавателей с первого года основания Института необходимо отметить: инж. техн. Харьковского Техн. Института Н. С. Грузова, ассистента по электротехнике. По открытии в Новочеркасске Политехнического Института он перешел туда на кафедру электротехники, но затем ушел

на практическую работу и стал директором Юзовских металлургических заводов. Перед самым приходом большевиков в Крым он сошел с ума и умер.

Н. Н. Тутурин — старший ассистент по кафедре металлургии, ничем не замечательный, кроме отсутствия печатных работ, большой бороды, грубого голоса, да пожалуй и грубости вообще; был умен, не дурак выпить, заведывал нашим газовым заводом.

Проф. Твердохлебов, приглашенный позже на Экономическое отделение для чтения курса финансов земского и городского, а также кооперативного хозяйства, — был милый образованный человек.

Доцент Экономического отделения В. А. Ковалевский, заведывавший музеем товароведения и читавший курс товароведения экономистам, — был очень молчаливый и довольно мрачный, особняком державшийся человек. Ковалевский умер, кажется, в 1912 г., и на его место пришел известный московский проф. химии Зеленский. Он был человек ученый и создал в Москве хорошую школу учеников.

Доцент Экономического отделения Ламанский, не помню что он преподавал, красивый и элегантный шатен, очень нравившийся женщинам, но не студентам.

Проф. Тимашев (сейчас профессор в американском университете) преподавал в последние годы перед войной 1914 г. теорию государственного права.

Среди помощников профессора заведующего студентами был всем известный инженер-технолог, руководитель техническим черчением, Матусевич, славившийся во первых тем, что он был заведующим студенческой столовой, позже ее арендатором, на которого справедливо и несправедливо сыпались обвинения в недобросовестном кормлении студентов, и во вторых тем, что у него были две хорошеньких дочки, с юных лет флиртовавших со студентами...

Теперь перехожу ко второй части моих воспоминаний, к основным порядкам преподавания и к студенческому составу.

Высокий уровень преподавания в высшей школе всегда тесно связан с ученой значительностью ее профессоров, ценностью их исследовательской работы и способностями педагогическими. Можно различать два типа профессоров: один из них характерен учительским дарованием, другой преобладанием исследовательского таланта. Оба эти типа профессоров ценны для высшей школы. И СПб Политехнический Институт был счастлив, что на всех его отделениях были и выдающиеся педагоги, как напр. В. Л. Кирпичев, А. С. Посников, В. В. Скобельцын, Н. А. Меншуткин, и такие крупные ученые исследователи-созидатели школ, как Н. К. Курнаков, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, П. Б. Струве, А. А. Чупров, В. Ф. Миткевич, А. Н. Крылов, М. А. Павлов. Институт был подлинно научным учреждением, а в его лабораториях и кабинетах царил дух высокого уважения к науке и научной работе, как среди ассистентов и доцентов, так и студентов высших семестров, допущенных для производства дипломной и кандидатской работы. Кто имел природные данные и охоту к самостоятельной научной работе, тот находил в стенах Института, как ни в какой другой русской школе, возможность пользоваться относительно богатыми оборудованием и советами опытных ученых по самым разнообразным специальностям. Исследовательская и вообще творческая работа широко поощрялась, и в этом была огромная заслуга новой высшей школы.

(Далее Н. Н. Саввин говорит о приеме в Институт по конкурсу аттестатов, а не по экзаменам, и считает, что состав студентов Института оправдал превосходство первой системы).

Официальный срок обучения был четырехлетний, но с самого начала существования Политехникума он растянулся (кроме Экономического Отделения) на пять и более лет, независимо от забастовок. По сравнению со старыми школами, где официальный срок был пятилетний, в нашем Политехникуме также была многопредметность и многопрограмность. Если меньше душили чертежами и их отделкой, то

взамен этого требовали отбывтия многих часов в лабораториях и на практических занятиях по теоретическим и прикладным предметам... Студенты регулировали перегрузку своими специальными средствами, по большей части действительными. Прежде всего они не ходили на лекции, а все дообеденное время проводили в чертежных, закрывая которые, как это сделали бы в Англии или в Америке, конечно, либеральное начальство не решалось. Посещение лекций с самого основания Института, как и во всех русских университетах и высших технических школах, было необязательно, хотя профессора и преподаватели, среди которых были и хорошие и совсем посредственные лекторы, очень обижались, когда аудитория редела и доходила до комического ничтожного количества...

Посещать практические занятия в Политехникуме конечно приходилось аккуратно, особенно, когда руководитель это отмечал и не давал новой задачи, пока не сдана предыдущая... Когда в Институте стало много студентов, и на одного руководителя приходилось много народа, то, конечно, общение с руководителем делалось весьма слабым...

При основании Института и в первые годы существовала курсовая система, но не такая жесткая, как в других учебных заведениях... С самого начала установилась поблажка, т. е. закладывание некоторых предметов с разрешения факультетского собрания, якобы по уважительным причинам, на другой год. Долг часто возрастал и банкроту приходилось или проявлять героические старания для расплаты с долгами или же прибегать ко всякого рода просьбам отложить, условно зачесть, даже на честное слово. Но курсовая система, с указанными выше брешами, существовала лишь до свобод 1906 г., когда всюду стали вводить предметную систему, т. е. счет не курсам, а по группам связанных между собою предметов. Беспорядок, конечно, получился махровый и для всех преподавателей очевидный — даже самые яростные защитники этой системы скоро стали ее осуждать. Вернулись к старой курсовой системе, но

с такими коррекциями, что верней было бы ее назвать предметно-курсовой.

(Далее Н. Н. Саввин говорит об отношениях между Институтом и Министерством и о выборах педагогического персонала).

Хотя Институт возник в то время, когда официально никакой автономии высших школ не было, но фактически СПб Политехникум был с самого основания автономен. Я не помню ни одного открытого конфликта с министерством, не взирая на неизменную склонность либеральной и радикальной профессуры (особенно стариков-экономистов) к фрондированию. Ведь и ликвидация общезначительных шла больше по ведомству М. В. Д. Хозяйственно-административные дела велись Правлением и лишь в общем порядке подвергались контролю министерства, так же как и финансовая часть или специальные ходатайства о сверхсметных ассигнованиях и персональных просьбах. По важным делам министр всегда принимал особо Директора или членов Правления... Выборы новых профессоров или должностных лиц всегда утверждались, т. к. в случае возможных деликатных инцидентов, перед выборами зондировались отношения «сфер».

Все члены преподавательского персонала, начиная от профессоров и кончая ассистентами, выбирались сначала в факультетских собраниях (делалось объявление кандидата, а в ближайшем заседании производились выборы шарами). Затем таким же манером происходили выборы в Совете. Декан и секретарь выбирались факультетами, а затем избранные заканчивались опять таки в Совете. Директор Института и секретарь Совета (а также профессор заведующий студентами) избирались в общем собрании Совета. Выборы нормально проходили гладко, т. к. в не вполне «благополучных» случаях, старались сговориться с оппозиционерами, и выборы отложить до успокоения страстей. Катания шаров было много, но случаи незначительного количества шаров «черных» были сенсацией и развлечением на скуч-

ных рядовых собраниях Совета, и с догадками, кто их положил. В учебном деле факультет был автономен и только важные случаи обязан был сообщать высшему форуму-Совету. Правление состояло из деканов и профессора заведующего студентами. Оно играло важную роль в жизни Института.

(Заканчивает свои Воспоминания Н. Н. Саввин последней встречей с С. Ю. Витте).

Перед самой войной, в 1913—1914 гг. по примеру других учебных заведений, образовалось Общество вспомоществования студентам Петербургского Политехникума. Почетным председателем его был выбран С. Ю. Витте. Так как на старую столовую были постоянные жалобы студентов при Матусевиче, то было решено Правлением передать ее в ведение нового Общества. Меня выбрали председателем столовой комиссии, а членами — химика Ф. Ф. Дрейера и физика А. А. Шапошникова. В III-ем общежитии были отремонтированы для столовой соответственные помещения и даны кое-какие деньги на дополнительное оборудование... В самом начале существования столовой как то неожиданно приехал в III-е общежитие С. Ю. Витте, пришел к нам в помещение столовой Комиссии и долго просидел, беседуя на разные темы: о войне и о ее опасностях для России, о технически-промышленном воспитании молодежи и о времени основания Политехникума. Он не был прежним Витте, а производил впечатление усталого и убитого событиями человека (вскоре после этого посещения Института он умер). Он был очень удручен, что ему все не удавалось выручить свою жену из Германии, где ее война застала на одном из немецких курортов... Его краткие суждения о состоянии России и некоторые воспоминания были чрезвычайно интересны. Он любил свое детище Петербургский Политехникум и охотно поделился с нами своими воспоминаниями об его основании и организации. Общее впечатление было, что он боится войны, но не победы немцев и нашего поражения, — а последствий войны и неизбежной кровавой расправы за

нее дикой черни... Умирающий и явно в то время больной, он бодренько поднимался — старый, величественный — по лестнице во второй этаж общежития — обломок бывлой императорской России...

Моя летопись и воспоминания о Политехническом Институте кончаются. «Лампада догорает». С грустью я прочел эту последнюю третью часть.

Что теперь делается в Сосновке? — в белых величественных зданиях в стиле ампира. Как выглядят учащиеся и учащие? Как работают они в лабораториях и институтах, на что надеются и о чем мечтают?

Сохранилось ли хоть что-нибудь там в учебных планах от прошлого, тех незабвенных дней строительства нового технического разсадника молодежи? Вряд-ли. Сведений, кроме кратких сообщений при двух-трех случайных встречах со старыми коллегами-профессорами и их осторожно-недоверчивых рассказов о нынешнем состоянии Политехникума, у меня нет...

Никому из новых инженеров с «той стороны» воспоминания мои неинтересны. Но может быть прочтут их и вспомнят о минувшем, безвозвратно канувшем в вечность, мои паллусвертники политехники, также как и я бывшие «журналисты», любившие и почитавшие все хорошее и действительно ценное в отошедшей для нас навсегда жизни СПб Политехнического Института имени Императора Петра Великого.